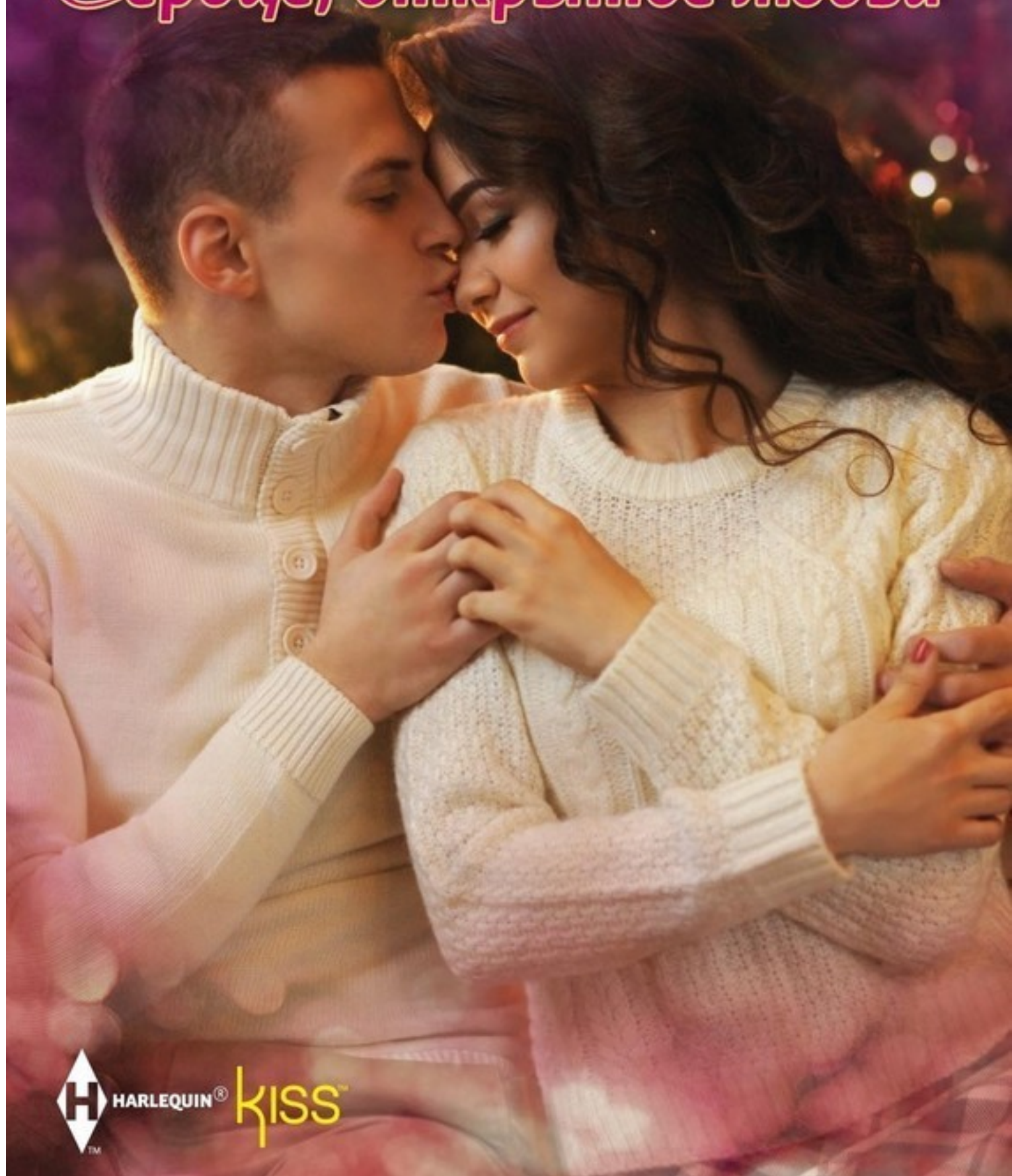

ЭЛИСОН РОБЕРТС

Сердце, открытое любви

HARLEQUIN®

KISS™

Поцелуй – Harlequin

Элисон Робертс

Сердце, открытое любви

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Робертс Э.

Сердце, открытое любви / Э. Робертс — «Центрполиграф»,
2017 — (Поцелуй – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07324-2

Выйдя из автобуса в Ницце, Элис Макмилан с воодушевлением ждала благополучного завершения своего путешествия. Вскоре исполнится ее мечта, и она увидит отца. Однако, подойдя к дому, девушка поняла, что сюжету придуманной ею сказки не суждено сбыться. Все с самого начала пошло не так, как она ожидала. В какой-то момент ей показалось, что даже под Рождество чуду нет места в реальной жизни. И все же она ошибалась...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-07324-2

© Робертс Э., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Элисон Робертс

Сердце, открытое любви

The Baby Who Saved Christmas

© 2015 by Alison Roberts

«Сердце, открытое любви»

© «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

* * *

Посвящается Лиз. С теплыми воспоминаниями о Сен-Жан-Кап-Ферра и любовью

Глава 1

Выйдя из автобуса, прибывшего из Ниццы, на центральной площади небольшого городка Вильфранш-сюр-Мер, Элис пошла вниз по склону, обогнав на лестнице парня из команды рабочих, приехавшей сюда для установки огромной светящейся гирлянды, которая будет красоваться над площадью, как тиара. Еще в Эдинбурге она составила маршрут на карте, и он оказался ей совсем легким. Оставалось лишь выйти на набережную. С одной стороны уже были заметны очертания полуострова Сен-Жан-Кап-Ферра, а нужный ей дом располагался всего в нескольких минутах ходьбы.

На краю площади Элис заметила раскинувшийся рынок, в лавках которого продавался сыр, всевозможное варенье, мыло ручной работы и рождественские украшения. Где-то совсем близко звучала музыка, и очень вкусно пахло едой, отчего рот ее мгновенно наполнился слюной.

Когда же она последний раз ела? Если не считать чипсы с луком и бутылку воды на последнем отрезке ее путешествия – в поезде?

Она пробралась через толпу людей, пришедших на рынок скорее пообщаться, чем сделать покупки, и встала перед прилавком. Завидев ее, продавец широко улыбнулся и заговорил по-французски.

Это был ее первый день во Франции, но звуками этого мелодичного языка она наслаждалась с того момента, как прибыла в Париж. За это короткое время она успела понять, что лучшим ответом в таком случае станет улыбка вкупе с извинениями за то, что она не говорит по-французски.

Элис извинялась вполне искренне. Она могла произнести слова «спасибо» и «пожалуйста» – первые, которые туристы узнают в новой стране, – по-испански или по-итальянски. Даже по-гречески. Но не по-французски.

– Вот это, пожалуйста, – сказала она на родном английском, ткнув в багет, наполненный кусочками ветчины и сыра.

– Конечно, – кивнул мужчина, к счастью, понимая ее. – Вы англичанка?

– Я из Шотландии.

– А... Ну, добро пожаловать в Вильфранш. – Подхватив сэндвич, он ловко завернул его в бумагу. – Приехали отдохнуть?

Отдохнуть? Прodelать весь этот путь ради того, чтобы провести здесь каникулы? Нет. В ее случае причина совсем не в этом.

Однако Элис улыбнулась, взяла сдачу и отошла в сторону. Повод для появления в этом городке был слишком личным, чтобы рассказывать об этом незнакомцу. Откровенно говоря, она сама не понимала, как приняла это спонтанное решение, и теперь эмоции захлестывали ее, бушевали, словно она каталась на американских горках.

Пройдя некоторое расстояние, Элис оказалась наконец в тишине, вдали от смеха, разговоров и восторженных приветствий. Мимо прошли несколько английских туристов, что было ясно с первого взгляда.

Выйдя на берег, Элис нашла свободную скамейку и решила съесть сэндвич, греясь на солнышке. На лодке неподалеку работал мужчина, мелькали перед глазами любители бега, проходили люди с собаками и колясками, и никто из них не замечал Элис. Она с удовольствием жевала свежий хлеб с вкусной начинкой, пытаясь заодно собраться с мыслями и сориентироваться.

Она огляделась и отчетливо увидела вдающийся в море кусок суши с вереницей кафе и ресторанов, который и назывался Сен-Жан-Кап-Ферра. Элис знала, что сама деревня отсюда не видна, она расположена по ту сторону полуострова, но зато видела крыши домов, которые под-

сказывали, что направление она выбрала верно. Дом, который ей был нужен, находился прямо на береговой линии, и, если бы она знала, куда смотреть, возможно, увидела бы его отсюда. Интересно, что будет, когда она постучит в дверь? Она надеялась, что ей откроет известный участник автомобильных гонок Андре Лоран, но сможет ли он понять, что перед ним его дочь? Она покажет ему старую фотографию, которую нашла среди хорошо спрятанных очень личных вещей матери, а что потом? Отразится на его лице изумление, недоверие, переходящее в радость? Появится ли в ее жизни единственный человек, которого она могла сейчас назвать родным?

Элис нервно вздрогнула. Как же все глупо. Зачем она приехала сюда? Ведь ей, скорее всего, не будут рады. Придется развернуться и уйти. И как она поступит тогда? Ницца была совсем близко, но она даже не подумала о том, чтобы забронировать номер в гостинице и выяснить, до которого часа ходят автобусы. Может, лучше отказаться от идеи и уехать прямо сейчас?

Элис закрыла глаза и прислушалась к себе. И вот. Да. В душе возникло ощущение, что она все делает правильно. Блеснул лучик надежды, дающий понять, что это самое верное решение в жизни.

Конечно, это слишком рискованно, возможно, чутье ее подводит, и этот поступок окажется большой глупостью, но она обязана проверить. Она почти уверена, что здесь с ней произойдет что-то очень важное.

Элис поняла, что испытывает странное ощущение... что связана с этим местом. Может, это не так уж и глупо? Все же она наполовину француженка. Она выросла вдали от этой культуры, стыдясь этой своей половины, но невозможно отрицать, что звуки языка, пейзажи, виды улиц и домов трогают неизвестную частичку ее души. Именно там рождается странное чувство, что она вернулась домой.

Элис мысленно принесла извинения матери.

Жанетт Макмиллан была бы в ужасе от решения дочери отправиться в путешествие, поэтому Элис не планировали ничего подобного, пока та была жива. И сейчас она слышала голос матери, сообщающий о тайне ее рождения.

– Твой отец француз... – Страшное оскорбление. – И он мечтал от тебя избавиться...

Мать подавляла любой ее интерес даже к стране, и Элис не спорила, потому что очень любила ее, но тоска в сердце и желание выяснить все об отце росли, став непереносимыми в те годы, когда Жанетт уже сбросила с себя груз, который несла всю жизнь.

Как жаль, что ей уже никогда не узнать, любила ли мама это место так, как сама Элис вполне могла полюбить. По крайней мере, ей так казалось.

Она открыла глаза и еще раз оглядела дома, которые стали ближе. Возможно, под одной из этих крыш до сих пор расположен бар, где ее мама работала, когда ей было восемнадцать. Открывался ли из него вид на искрящиеся воды Средиземного моря, усеянного яхтами, или он был спрятан среди зданий на одной из этих мощеных улочек?

Всплеск любопытства превратился в волну восторг. Возможно, маму охватывало тогда похожее ощущение полной свободы, как и ее, впервые в жизни решившуюся на взрослое путешествие. Элис потребовалось немало времени, прежде чем она смогла расправить крылья, но как могло быть иначе, когда сначала тяжело болела бабушка, а потом мама.

Однако она наконец здесь, и все кажется ей прекрасным и удивительным. Идея этой поездки вовсе не глупая, напротив, восхитительная – первый шаг в по-настоящему взрослую жизнь. К сожалению, у нее нет возможности рассмотреть достопримечательности городка, ведь сейчас зима, темнеет рано, уже в пять, и стоит поспешить, если она не хочет заблудиться в сумерках.

Она тяжело перевела дыхание, вспомнив о зимнем сезоне. Тепло Средиземноморья стало для нее еще одним чудом – восхитительной декорацией к действию, а язык – музыкальным

сопровождением. Всего два дня назад Элис ежилась от пронизывающего шотландского ветра. Она уже давно сняла пальто, но и в тонком свитере и джинсах, заправленных в сапоги, чувствовала себя слишком тепло одетой для такой погоды.

Пальто тяжелой ношей висело на руке, Элис еще раз вздохнула и направилась к пляжу. Хорошо, что все необходимое для короткой поездки уместилось в рюкзаке, висевшем за плечами, и ей не приходится нести ничего больше.

Пляж был почти безлюдным, море удивительно спокойным. Оно казалось ласковым и манило к себе; скорее всего, температура воды сейчас выше, чем у берегов Шотландии в разгар лета. Несомненно, в сезон здесь будет многолюдно, ведь это весьма популярное место среди богатой публики. Интересно, Мадонна тоже сюда приезжает?

Проделав небольшой путь на машине по побережью, можно добраться до Монако – Мекки для людей, казавшихся Элис Макмилан инопланетной расой, именно среди них был так популярен ее отец. Ей представлялось, что она попала не в другую страну, а на другую планету.

Тропинка заканчивалась у стоянки автомобилей. Элис смутилась, сбита с толку, но, оглядевшись, увидела лестницу, ведущую к железнодорожному полотну. Пригляделась и прочла на табличке знакомое название. Достав из заднего кармана карту, Элис пошла вперед, не отклоняясь от маршрута, и вскоре увидела еще одну дорогу, ведущую к набережной. Открывающийся вид на город впечатлял, однако стоянка была заставлена машинами так плотно, что еще для одной просто не нашлось бы свободного места. За автомобилями, прижимающимися капотами к багажникам, Элис увидела толпу с камерами и фотоаппаратами в руках. Папарацци? Может, сюда приехала Мадонна? А ведь на той же улице живет и ее отец. Впрочем, ничего удивительного. Когда Элис изучала информацию в Интернете, ее поразило, как выглядели расположившиеся здесь дома; они похожи, скорее, на роскошные виллы на дорогом курорте – массивные особняки с огромными парками и бассейнами олимпийского размера. Даже по воротам было ясно, какова стоимость такой недвижимости, – причудливые завитки, позолота и направленные во все стороны камеры. У самых богато декорированных ворот даже сидел охранник. Именно на этот особняк и было направлено внимание журналистов.

Сверившись с картой, Элис вынуждена была констатировать, что это конечный пункт ее путешествия, больше на улице домов не было. Она смутилась и повторно все проверила. Конечно, она знала, что ее отец человек известный, но что он так популярен...

Раздавшийся над ухом голос заставил ее вздрогнуть. Она поспешила убрать карту, но было поздно. Мужчина уже заметил красные пометки, и они вызвали у него явное любопытство.

На этот раз Элис решила обойтись без извинений, а просто помотала головой и сделала шаг назад.

– Я вас не понимаю, я не говорю по-французски.

От этого мужчина лишь заговорил громче и быстрее, а потом схватил Элис за руку и потянул в толпу.

Элис пыталась освободиться. Ясно, что произошла ошибка, лучше ей сейчас убраться подальше. Сказка оказалась зловещей, и надо хорошо все обдумать, прежде чем действовать дальше. Возможно, подобрать какой-то другой способ проникнуть в дом, чтобы добиться желаемого результата.

Происходящее пугало Элис. Захвативший ее мужчина разговаривал с другим, подошедшим к ним. Кажется, о ней. Надо лучше спрятать карту. Кроме нее, это никого не касается. Как будет неприятно, если журналисты докопаются, что у Андре Лорана есть незаконнорожденная дочь, и сделают это раньше его.

– Все в порядке, – сказал второй мужчина. – Не беспокойтесь. Мой друг только хочет знать, зачем вы искали дом месье Лорана?

– Я... мне надо с ним поговорить. Об одном... важном деле.

– Поговорить? – Журналист выглядел озадаченным. – Mon Dieu... разве вы не знаете?
– А что я должна знать?

Стоящие перед ней мужчины переглянулись и обменялись фразами, произнеся их намеренно тихо, словно не хотели, чтобы их услышали. Впрочем, при этом они поглядывали на Элис с любопытством.

– Пойдемте.

– Нет, не стоит... Думаю, мне все же лучше прийти в другой день...

Однако мужчина уверенно потянул ее за собой и подвел к воротам, около которых стоял охранник в форме. Он опять затараторил по-французски, охранник задал вопрос. Стоящий рядом второй журналист взял на себя роль переводчика.

– Он хочет знать, кто вы.

– Меня зовут Элис Макмилан, я... – Внезапно ей стало страшно. Она в незнакомой стране и не понимает ни слова из того, что ей говорят. Витавшее в воздухе беспокойство подсказывало, что здесь происходит нечто важное. Как она могла сразу не заметить полицейские машины? Она попала в неприятности лишь потому, что оказалась в неподходящее время не в том месте.

Внутренний голос подсказывал, что единственный способ выпутаться из этого кошмара – говорить правду.

Элис с трудом сглотнула, приподнялась на цыпочки и потянулась к уху охранника.

– Андре Лоран мой отец.

Телефон не собирался замолкать.

Казалось, после того, как ситуация прояснится, все должно успокоиться, но ничего подобного не случилось, по крайней мере, когда он проверял последний раз.

Не переставая ходить взад-вперед, Жюльен Дюбуа бросил еще один взгляд в огромное окно. Он не видел ничего, кроме мелькавшей среди крон деревьев подъездной дороги к особняку, но знал, что она ведет к массивным воротам, которые сейчас заперты, и представлял, что за ними происходит.

За ними собрались грифы и ждут. Чего? Хотят увидеть признаки страданий в связи с произошедшим горем? Или, напротив, их отсутствие? Что даст им возможность копать, и копать глубже, пока не получат ответы на давние вопросы, которые можно будет вдоволь смаковать.

Сколько лет ему было, когда умерла мать?

Сколько лет прошло со смерти его сестры?

Что вызвало разлад в семье?

По какой причине он ненавидел всеобщего любимца Андре Лорана?

Что за люди собрались в доме?

И что вообще происходит?

С противоположной стороны комнаты, достаточно большой для того, чтобы играть в мяч, окна выходили в парк с бассейном, а вдалеке мелькала полоса частного пляжа в бухте залива, чуть поодаль от которого расположился Вильфранш.

Человек, решивший приобрести это великолепие, сделал эту комнату своим кабинетом, своим убежищем. Огромный персидский ковер в темно-красных тонах казался мрачным, как и необъятных размеров массивный стол из красного дерева. Большая часть пространства украшали кубки и прочие трофеи, а также многочисленные фотографии победителя гонок в Монако, на них хозяин держал в руках бутылку, из которой бил фонтан шампанского, и лучезарно улыбался в камеру.

Жюльен напрягся и сжал челюсти. Эти снимки он ненавидел, потому что... видел в происходящем напрасное расходование драгоценного шампанского «Мумм».

Все тело его было напряжено не меньше, и он с трудом передвигался по комнате. Находиться здесь было неприятно. Дом был полон приспособлений, которым мир был обязан высоким технологиям. Например, огромный экран, на котором показывались бесконечные фильмы о гонках в Монако, был и экран поменьше, представляющий картинку со всех камер, в том числе тех, что располагались у ворот. Благодаря ритуалу отслеживания происходящего, проводимому каждые тридцать минут, он мгновенно находил нужное изображение.

Жюльен ждал, когда люди разойдутся, тогда можно будет сбежать отсюда, чтобы больше никогда не переступить порог этого дома. Он не спешил по делам, а оказаться подальше от особняка желал, скорее, из чувства безысходности. К сожалению, интерес СМИ, похоже, не утихал. Черт, а что это происходит у самых ворот?

Рядом с охранником встала девушка и, казалось, *поцеловала* парня, неудивительно, что он выглядит шокированным. Отступив назад, он смотрит на нее во все глаза, будто перед ним сумасшедшая.

Жюльен невольно склонился к экрану, будто это помогло бы разобраться в ситуации.

Девушка была совсем не похожа на репортера. Почему он так решил? Причина в том, что в руках у нее не было камеры или микрофона? Скорее, в том, что она больше походила на школьницу с рюкзаком за спиной. Она повернулась, и он увидел выражение ее лица. Девушка выглядела растерянной. Точно. Как вытасченная из воды рыба. Охранник подошел к телефону, чтобы связаться с домом, и девушка проводила его странным взглядом. В нем был... Испуг?

Жюльен ощутил неожиданный прилив забытого чувства – желание защитить, помочь. Сердце вновь сжалось от ощущения тоски и давящей печали. Он сделал все, что мог, так старался, но не уберег Колетт...

Если он сможет заплакать, возможно, станет легче. Слезы смоют гнев, но не сейчас, не здесь, он не позволит подобного под сводами этого дома.

Послышался звонок телефона, но его личного сотового, а не домашнего, значит, надо отнестись к звонку внимательнее. Скорее всего, это адвокат, возможно, он сообщит ему новости, связанные с обнаруженными документами. Он пришел сюда сегодня, чтобы выиграть битву, и обязательно победит.

Однако звонил не адвокат, а человек из охраны, находящийся в данный момент за воротами.

От изображения на экране словно повеяло ветром, и волосы на голове шевельнулись. Ответив на звонок, он не сводил глаз с охранника. Разговаривать проще, когда ты видишь перед собой человека. Охранник, как и адвокат, ограждал его от нежелательных визитов.

– Прошу прощения за беспокойство, месье Дюбуа.

– В чем дело?

– Тут девушка... англичанка...

Взгляд скользнул в сторону. Жюльен опять посмотрел на растерянную девушку. Из всех столпившихся за воротами, так выглядела она одна. Теперь на нее смотрели все. Видимо, надеются, что скучные часы ожидания не прошли напрасно, и предвкушают легкую добычу в виде шокирующей сенсации.

– И?

– И... – Охранник пробормотал что-то невнятное.

– Пардон? Вы не могли бы говорить громче?

– Не думаю, что это стоит делать, месье.

Жюльен видел, как охранник повернулся спиной к толпе и отошел чуть в сторону. Вскоре в трубке раздался его громкий шепот.

– Она, говорит, месье, что Лоран ее отец.

Жюльен не смог сдержать ехидный смех.

– Ну, разумеется. Она не первая, кто выступает с подобными заявлениями. Отошлите ее.

– Но... она желает с ним поговорить.

– Что?

– Я понимаю, это кажется странным, но я уверен, она не представляет, что происходит. Полагаю, будет лучше встретиться с ней подальше от любопытных глаз и ушей.

Жюльен потер рукой лоб и принялся массировать виски. Голова раскалывалась. Зачем ему все это? Неужели он заслужил наказание и день станет еще сложнее? После долгого молчания он все же заставил себя открыть глаза и тяжело выдохнул.

– Ладно. Проводите ее в дом.

Элис Макмилан не привыкла находиться в центре внимания. Напряженные взгляды со всех сторон нервировали и вселяли ужас. Интерес толпы казался ей странным. Наконец ворота приоткрылись, но ровно настолько, чтобы она и охранник, которому она открыла тайну, смогли проскользнуть на территорию. Ей было страшно представить, как все собравшиеся набросились бы на нее с вопросами, если бы услышали то, что она сказала.

Оказавшись отгороженной от них массивными воротами, она, казалось, должна почувствовать облегчение, однако напротив. Сейчас ей казалось, что она провалилась в кроличью нору, как Алиса, в честь которой ее назвали. Ей предстоит узнать совершенно новый для себя мир, и Элис совсем не была уверена, что хочет этого. Она вскинула подбородок и напомнила себе, что это лишь сказка, а она Золушка, перед которой распахнулись ворота замка, и вскоре она попадет на бал.

Дорога заняла гораздо больше времени, чем она ожидала, и за эти минуты идущий рядом охранник не произнес ни слова. Элис осмелела и позволила себе оглядеться. Парк был огромным и очень ухоженным. Большое количество пальм делало его похожим на тропический рай, от обилия цитрусовых в воздухе витал волшебный аромат, а яркие плоды лимонов смотрелись на фоне малахитовой зелени светящимися на солнце драгоценными камнями. Голубые воды бассейна были такого же цвета, что и море, плещущееся на заднем плане, отчего казалось, что бассейн в него впадает. Сам же дом... Он производил впечатление богатого имения, за позволение войти в которое люди платили немалые деньги. Его нельзя было назвать дворцом, скорее, роскошной старинной виллой с колоннами, огромными окнами и террасами. Наверняка там есть бальная зала и целое крыло для прислуги.

Вблизи дом был еще величественнее, чем полагала Элис. Она встала перед самыми большими дверями, которые ей доводилось видеть в жизни, и подняла голову, внезапно ощутив, что тень здания давит на нее темной мрачной тучей. Сверху доносились звуки пролетающего над головой вертолета, а это лишь добавляло нереальности происходящему. В одночасье она словно очутилась в кино – современной версии старой сказки. Скорее всего, это будет психологический триллер.

Охранник повернулся к ней и кивнул на дверь.

– *Allez. Il vous attend*¹.

Неожиданно для себя она все поняла. Кто-то ожидает ее в доме. Отец? Господи, все складывается совсем не так, как она думала, намного сложнее и драматичнее. Может, ей все же стоило прислушаться к совету бабушки, данному несколько лет назад.

– Никогда не ищи своего отца, – сказала та. – Тебе лучше не знать...

Что ж, уже слишком поздно. Она здесь, и дверь... открывается. Ей предстоит увидеть человека, ради которого она приехала в эту страну. Сердце забило сильнее, но Элис решительно выдохнула и приготовилась переступить порог. Она даже смогла изобразить на лице улыбку на случай, если ее будут рады здесь видеть.

¹ Проходите. Он ждет вас (*фр.*).

Недовольство на лице человека, который открыл ей дверь, было столь очевидным, что улыбка сползла сама собой. Кто этот молодой человек, отправленный ее встретить? Помощник? Да, похоже, именно так. Возможно, референт или пресс-секретарь.

Тот, кому, судя по всему, были даны четкие инструкции поскорее от нее отделаться. Мужчина был одет во все черное, его темные глаза сверкали, придавая лицу зловещий вид. Оглядел ее с ног до головы и будто растворился в полумраке дома, хотя отступил всего на шаг.

– Входите же скорее, – сказал он. – В вертолете наверняка фотографии, а у них очень хорошая аппаратура.

По-английски он говорил превосходно, но все же с акцентом, позволяющим безошибочно угадать национальную принадлежность. Впрочем, он и выглядел как истинный француз. Следуя за молодым человеком через фойе в невероятных размеров комнату, которая с легкостью могла вместить пару сотен человек, она обратила внимание, что одежда на нем превосходного качества и сидит идеально, волосы аккуратно зачесаны назад, они достаточно длинные и собраны в хвост.

Она представила, как бабушка возмущенно зацокала бы языком, бормоча что-то о непонятных привычках иностранцев, но переключилась на мысли о том, что если бы это действительно была сказка, то молодой человек прекрасно подошел бы на роль прекрасного принца.

Элис огляделась и увидела, что дверь в другом конце помещения ведет в оранжерею или зимний сад, через стеклянные стены которой виден бассейн. Получается, ее провели в другое крыло дома. Комната была заполнена множеством вещей: кубки, фотографии, огромный телевизор, на котором без звука транслировался фильм. Скорее всего, это кабинет отца. Его логово. А трофеи принадлежат ему. И гонщик в машине на экране тоже он.

Ничего себе... Он был невероятно успешен, не лишен харизмы и очень богат. Возможно, она будет иметь для него значения меньше, чем любая из этих вещей. Сможет ли он принять своего ребенка? Полюбит ли, несмотря...

Надежда крепла каждую секунду. Счастливый конец близок. Элис с нетерпением ждала, когда же увидит отца. Сейчас она очень нервничала и понимала, что от смущения способна побояться начать с того, что так для нее важно. Отец непременно это почувствует, но поможет ли ей выразить все то, ради чего она пришла?

Молодой человек закрыл за собой двери, прошел вперед и встал перед Элис. Он смотрел на нее, казалось, бесконечно долго, а затем жестом указал на впечатляющих размеров кресло, скорее всего, баснословной цены антикварную вещь.

– Присаживайтесь.

Это больше походило на приказ, чем на приглашение, и в душе Элис вспыхнуло чувство, казавшееся ей забытым за время, прошедшее с момента окончания школы. Дало о себе знать привычное в те дни бунтарство, и она осталась стоять там, где была.

– Как угодно, – пожал плечами мужчина. Отодвинув массивное пресс-папье, он устроился на краю стола.

Это его мир, и он вправе поступать как пожелает. Элис же была чужаком, вторгшимся на его территорию. Мужчина смерил ее очередным пристальным взглядом и спросил:

– Кто вы?

– Меня зовут Элис Макмилан. – Это была первая произнесенная ею фраза, и голос прозвучал не так твердо, как она бы хотела. Пожалуй, даже испуганно. Она откашлялась и произнесла: – А вы...

Он приподнял бровь, словно только сейчас понял, что повел себя невежливо, не представившись.

– Жюльен Дюбуа. Кто я значения не имеет.

Но это очень важно, разве не так? Какое положение он занимает в доме? Привратника? Или более значимое и способен помочь в ее деле?

– Откуда вы, мисс Макмилан?

– Называйте меня Элис. Ко мне все обращаются по имени, даже дети.

– Вы учительница?

– Воспитательница дошкольного образования.

– Из Англии?

– Из Шотландии. Живу в Эдинбурге, хотя родилась и выросла в небольшой деревне, названия которой вы точно не слышали. Впрочем, это не важно.

Господи, откуда взялся этот вызов во взгляде и нежелание подчиняться? А еще ощущение, что она провинилась и ее вызвали в кабинет директора школы? Она не должна вести себя так грубо и отвечать ему в той же манере, которой он задавал вопрос.

Мужчина вскинул бровь и замолчал, не сводя с нее взгляда. Несмотря на пробравшийся в душу стыд, Элис не собиралась признавать неправоту и отворачиваться. Оказывается, его глаза совсем не такие темные, как показалось вначале. Намного светлее, чем ее карие. Точнее было бы назвать их ореховыми. Или цвета молочного шоколада. Черты выразительные и четко очерченные, такое лицо непременно заметишь в толпе. Красивые брови недовольно сдвинуты, на скулах проступала щетина, словно он забыл побриться.

– Вы заявили, что Андре Лоран ваш отец?

Вопрос прозвучал так резко, что рассек пространство, и Элис невольно прищурилась и пристальнее вгляделась в лицо мужчины напротив.

– Так и есть.

– И вы можете это доказать?

– Да.

– Показывайте.

Элис сняла с плеча рюкзак, опустила на край неудобного стула, чтобы было сподручнее открыть внутренний карман, и достала конверт. Оттуда она извлекла фотографию. Снимок поблек от времени, но лица были хорошо различимы. Как и цвета, давая Элис повод вспомнить, какими яркими были волосы матери и какой лучезарной улыбка – ею можно было осветить всю эту комнату. Внезапно на глаза стали наворачиваться слезы, и она поспешила перевести взгляд на мужчину на фотографии, а затем подняла глаза, чтобы сравнить с изображениями на стене.

Кивнув, она протянула фотографию Жюльену.

– Это моя мать, – тихо произнесла она. – Я ничего бы не узнала, если бы она не хранила эти вырезки из журналов. – Она опустила глаза и посмотрела на пачку, все еще лежащую в конверте. – Они были хорошо спрятаны. Я нашла их случайно после того, как... мама умерла.

Если она и ожидала выражения соболезнований по поводу горя в семье, то напрасно, они не последовали. Жюльен равнодушно окинул взглядом и протянул фотографию обратно.

– Это доказывает лишь то, что ваша мать была в числе фанатов Андре. История слишком древняя.

– Мне двадцать восемь, – выпалила Элис. – Не такая уж и древняя. – И мама не была фанаткой, как вы выразились. Она была влюблена...

Жюльен пренебрежительно фыркнул и покачал головой.

– А почему именно сейчас? – спросил он. – Почему сегодня?

– Я... я вас не понимаю.

– Где вы были на прошлой неделе?

– Я? Ездил в деревню на несколько дней. Потом путешествовала.

– И не смотрели телевизор? Не читали газет? – Он всплеснул руками. Бабушка охарактеризовала бы этот жест, как непременно присущий иностранцу и слишком мелодраматичный. – Неужели вы не знаете?

– Что я должна знать?

– Что три дня назад Андре разбился на машине. Он погиб. Сегодня были похороны.

– О... бог мой... – Элис вздрогнула и перевела взгляд на портрет. – Нет... нет...

Краем глаза она видела, что Жюльен следит за ней. Она не могла оторваться от лица человека, который, казалось, жил полной жизнью, был энергичным, поверить невозможно, что его уже нет.

В следующую секунду Жюльен быстрым рывком схватил, словно дикое животное добычу, со стола пресс-папье и запустил в портрет, на который так пристально смотрела Элис. Раздался звук разбитого стекла, а следом повисла тишина, которая лишь подчеркнула всю трагичность произнесенных им слов.

– Как бы я хотел, чтобы он сделал это несколько лет назад... Тогда моя сестра не вышла бы за него и была бы сейчас жива.

Глава 2

Шок помутил ее сознание.

Она очень отчетливо ощутила боль этого незнакомого человека, которая проникла в глубины ее тела и смешалась со страхом, возникшим от осознания того, что она одна с мужчиной, который в ярости, возможно, способен на применение силы.

Как обычно, сострадание победило страх. Его сестра была замужем за Андре Лораном. Возможно, она ехала вместе с ним в машине и тоже погибла. Первым желанием было протянуть руку и как-то успокоить Жюльена. Прикоснуться к нему...

Нет. Ему это точно не понравится. Она видела, как напряглись его мускулы, исказилось лицо, и лишь мужское самолюбие не позволяло выразить все бушующие внутри эмоции. Он даже прикрыл рукой глаза, словно пытался спрятать их от мира.

Жалость и сочувствие в сердце Элис образовали странную смесь. Она ощутила, что и сама лишилась чего-то важного в этот момент.

Надежды.

Элис долго справлялось с болью. Она вошла в коттедж, который был единственным домом, который у нее был, лишь найдя в себе силы окунуться в воспоминания. Когда смогла признать окончательно, что потеряла всех близких ей людей, свою семью, но должна справиться с горем и идти дальше. Обязана понять, что жизнь прекрасна, что впереди ее ждет счастливое будущее.

Настало время разобрать личные вещи матери и оставить лишь те, которые были по-настоящему дороги Элис.

Она выросла в крохотном доме с двумя женщинами – мамой и бабушкой, которая была сильной настолько, чтобы оберегать ее от осуждения всей деревни. Именно она смогла убедить внучку, что постыдные обстоятельства ее рождения ничего не значат для ее жизни. Она стала подарком этому миру уже по факту своего рождения.

Возможно, Элис ошибочно решила сделать это так близко к Святкам, когда на центральной площади уже установили высокую елку, а магазины украсили витрины к Рождеству волшебными огоньками и искрящейся мишурой. Сердце сжимала грусть, ведь это Рождество станет первым, которое ей предстоит провести без семьи, а ведь только с ними она могла поделиться тем, как намеревалась действовать после того, как нашла конверт с информацией об отце, ставшей громом среди ясного неба.

Войдя в эту комнату и увидев портрет, она ощутила, что стоит на пороге чего-то очень важного. Она была готова полюбить этого мужчину – ее родного отца.

Элис было радостно осознавать, что она не одна, в мире существует человек, частью которого она была, и пусть он не принимал участия в ее воспитании и порвал связь с женщиной, растившей ее без отца, они все равно связаны. Она его дочь.

Наверное, она уже его любила. А оказалось, ей суждено потерять отца, даже не встретившись с ним. Теперь ей никогда не узнать, была ли она на него похожа, какие черты характера унаследовала от него. Возможно, это ее стремление к бунтарству и непокорность. Или необычная манера смеяться, на которую многие обращали внимание. Может, ее карие глаза?

Да. Несмотря на разбитое стекло и брызги шампанского, не позволяющие увидеть все лицо, она смогла разглядеть, что глаза Андре такие же темные, как ее.

На фотографии он выглядел очень счастливым. Уверенный в себе победитель. Вне всякого сомнения, Андре Лоран таким и был. Она старалась не обращать внимания на реакцию сидящего напротив хмурого человека, ведь ей доподлинно известно, что мама была влюблена в отца, а он разбил ей сердце. Почему же в ее жизни больше не было мужчины?

Теперь никогда не узнать, помнил ли он о маме, была ли это любовь взаимной. С его гибелью Элис потеряла надежду вновь обрести семью. Надежда умерла, и должна быть похоронена. Вместе с ее отцом Андре Лораном.

Горло сжалось, дыхание перехватило, и Элис с ужасом обнаружила, что по щеке стекает слеза. А затем услышала, как Жюльен тяжело вздохнул.

– *Je suis désolé*. Простите. – На этот раз голос его звучал по-другому – мягче, искреннее. От этого акцент стал более очевиден. – Я не должен был так себя вести.

Элис сглотнула ком и откашлялась. Страх внезапно прошел. Этот человек вовсе не жесток и агрессивен, ему просто слишком тяжело перенести горе. Она знала, что такое полное отчаяние, и понимала, как можно ощущать себя в такие моменты.

– Все в порядке, – произнесла она, как оказалось почти шепотом. – Я вас понимаю. Мне жаль, что вам пришлось пережить такую потерю.

В ответ Жюльен лишь фыркнул, давая понять, что не намерен обсуждать тему и дальше. Элис опустила глаза и посмотрела на фотографию родителей, которую все еще держала в руках. Надо убрать ее обратно в конверт вместе с вырезками из журналов и ее свидетельством о рождении. Она спрятала его в карман рюкзака и застегнула молнию, а затем встала и принялась надевать его на плечи.

– Куда вы идете?

Элис тряхнула головой.

– Придумаю что-нибудь. Какое это теперь имеет значение.

Он быстро переместился к двери, закрывая ей проход.

– Вы не можете так просто выйти туда, вы не должны говорить с этими репортерами. Это будет для них, как это говорится? Большая рыба.

– Большой улов. Не беспокойтесь, я не буду ни с кем говорить.

– Они все равно узнают. – Жюльен смотрел на нее с болью, казавшейся острее, чем ее собственная. – Они выяснят, кто вы, и начнут задавать вопросы. Кто еще в курсе... ваших заявлений?

Элис молчала. Важно ли, чтобы этот человек ей поверил? Всем остальным было известно лишь то, что невозможно было скрыть – ее мать уехала работать на лето на юг Франции и вернулась беременная и одна.

– Вы представляете, сколько стоит это поместье Лорана? – Жюльен критически оглядел ее дешевый зеленый джемпер, джинсы и поношенные сапоги. – Нет, полагаю, не представляете даже приблизительно.

Он потер пальцами лоб и надавил на виски. Элис обратила внимание на его длинные пальцы, и это заставило задуматься о том, чем же он зарабатывает на жизнь. Может, он музыкант или хирург? Черная одежда и хвост, на ее взгляд, больше подходили музыканту. Она представила его на сцене с электрической гитарой, возвышающегося над толпой фанатов.

– Мне необходимо посоветоваться, прежде чем принять решение, – неожиданно твердо произнес Жюльен. – Благо в доме полно юристов. Думаю, тест ДНК даст ответы на все вопросы.

– В этом уже нет необходимости.

– Простите?

– Я приехала, чтобы увидеться с отцом. Если бы он потребовал доказательств, я бы не колебалась ни минуты, но... уже поздно. Все это не важно, ведь мне никогда не удастся с ним встретиться.

– А вы не хотите выяснить?

Хотела ли она? Возможно, было бы лучше узнать, что Лоран ей никто, ведь тогда удалось бы сохранить в душе надежду, что она еще сможет найти отца, что еще не все потеряно, и она ушла бы из этого дома с легким сердцем.

Но если тест подтвердил бы, что она права, то не стоило бы мучиться иллюзиями о том, что родной человек живет где-то неподалеку и его можно найти. Элис была уверена, что мама знала правду, и она не обманывает себя, но не лучше ли иметь на руках бумагу, подтверждающую это?

– Возможно, я бы хотела, – пожалала плечами Элис.

– Тогда следуйте за мной. – Жюльен открыл дверь. – Я не могу больше ни секунды оставаться в этой комнате.

Бросив взгляд на портрет отца, Элис вышла за ним. Она ожидала, что им предстоит пройти через анфиладу просторных помещений, но вместо этого Жюльен распахнул стеклянную дверь, приглашая ее в оранжерею. Он пропустил Элис вперед, оставшись стоять с рассеянным выражением лица, будто на несколько мгновений погрузился в свои мысли, отстранившись от действительности. Возможно, он лишь старался унять гнев, не оставивший место для других эмоций, не позволяющий улыбнуться даже из вежливости.

Элис вспомнила, что всего несколько минут назад он смотрел на нее по-другому, говорил с сочувствием. Ей бы хотелось, чтобы он вновь обратился к ней с теми же интонациями, хотелось увидеть в глазах искреннее внимание. Возможно, ей удалось бы понять, что за человек скрывается под этой мрачной оболочкой. Элис с удивлением поймала себя на мысли, что этот мужчина ей интересен.

Однако когда Жюльен заговорил, тон его был далек от того, на который она надеялась. Акцент щекотал ухо, и ей казалось, что губы ее уже готовы растянуться в улыбке, будто на них замерла бабочка и готовится спорхнуть, расправив крылья.

– Присаживайтесь. Вы голодны? Могу попросить экономку что-то вам принести.

– Нет. Спасибо. Я недавно поела.

– Как пожелаете. Не думаю, что процедура займет много времени. Ждите меня здесь.

Разве у нее есть выбор? Конечно, она может встать и уйти, но у ворот стоит охранник, который никогда не откроет их без разрешения. Даже если допустить, что он его получит, за забором ее ждут журналисты, а... врать ей всегда удавалось плохо.

Скорее всего, именно благодаря Лорану у Элис были не голубые глаза Макмиланов, удалось ей избежать и наследства в виде огненно-рыжих волос, передаваемых из поколения в поколение в роду матери. Совсем без рыжего цвета, конечно, не обошлось, но волосы ее были, скорее, каштановые с рыжеватым отливом, и, слава богу, голова не была похожа на апельсин. Жаль только, что кожа была не оливкового цвета, как у отца, что хорошо видно на портрете, а белая и очень бледная – типичная кожа шотландцев, покрывающаяся веснушками на солнце. Если Элис краснела, например, от смущения, то щеки становились не розовыми, а пунцовыми. И еще это случалось всякий раз, когда она пыталась солгать.

Пройдя мимо экзотических деревьев и папоротников в высоких терракотовых вазах, Элис прошла к плетеному дивану с мягкими подушками кремового цвета. Внезапная мысль вызвала улыбку.

Ей тогда было года четыре, и она чем-то провинилась. Что же она тогда сделала? Ах, да... Ушла играть туда, куда ей запрещалось ходить одной – к ручью за курятником. Понимая, что грязь на туфлях откроет взрослым правду, Элис сняла их и спрятала под кустом. Когда же у мамы возник вопрос, куда подевалась обувь, она вскинула голову и заявила, что не знает, должно быть, их унесли феи. Мама и бабушка тогда переглянулись и озадаченно посмотрели на Элис.

– Она краснеет, Джинни. Значит, обманывает нас.

– Да... – вздохнула мама.

И обе женщины – управительницы ее вселенной – перевели взгляд на Элис. На всю жизнь она запомнила, какой была та тишина в ожидании признания. От этой тишины внутри разрастался ужас и стыд. Тот раз был единственным, когда признания пришлось ждать так долго.

Разумеется, у нее не было никакого желания откровенничать с репортерами, но Жюльен, пожалуй, прав. Им известно ее имя, ведь она произнесла его довольно громко, когда подошла к охраннику. Узнать о ней все будет довольно просто для любого журналиста, а стоит им начать задавать наводящие вопросы, ее кожа скажет все за нее.

Здесь, по крайней мере, она в безопасности.

Элис принялась рассматривать растения, думая о том, что мир за воротами теперь для нее так же далек, как и родной дом. Она перевела взгляд на бассейн с водопадом на дальней стороне и увидела подальше в море корабль. Внезапно по спине пробежала дрожь, словно в помещение залетел холодный ветер. Атмосфера неуловимо изменилась. Не было необходимости поворачиваться, чтобы понять, в чем причина, – в оранжерею вошел Жюльен.

Может, это место ей только кажется безопасным?

Элис замерла, решив остаться сидеть на месте.

Жюльен мог видеть только ее профиль, но и этого было достаточно, чтобы он понял, что впервые смотрит на девушку. Со времени ее прихода он так и не постарался ее разглядеть. Хотя и сейчас, скорее, смотрел лишь как на очередную проблему, которую ему предстоит решать в эти темные дни жизни.

Теперь он до конца осознал, что она способна стать отличной добычей для репортеров. Элис Макмилан была худенькой настолько, что могла носить одежду для подростков, да и рост ее был, пожалуй, всего на несколько дюймов больше пяти футов. Рюкзак ее был похож на неизменный аксессуар к школьной форме.

Однако отрицать, что она симпатичная, он не мог. Достаточно уже этих красивых волос необыкновенного насыщенного цвета, лежащих густыми волнами. Учитывая ее более чем скромный наряд и руки без следов маникюра, можно предположить, что цвет это натуральный. Впрочем, это было в его глазах минусом, так как Жюльен, ввиду отсутствия опыта, не представлял, как вести себя с подобными женщинами. Даже его сестра была одной из тех холеных дам, которую любой мужчина мечтал видеть рядом. Интересно, только он или все остальные мужчины тоже при виде них задаются вопросом: насколько натуральна их красота?

Он вспомнил, как из этих карих глаз потекли слезы. Нетрудно представить, как она будет смотреться на экране, весь мир будет на стороне этой девушки. Андре Лоран, его сестра, да и он сам, будут заклеены, названы бездушными богачами, позволившими себе бросить на произвол судьбы бедную родственницу. Разумеется, если она говорит правду. Впрочем, зачем ей лгать? Учитывая, сколько женщин было в жизни хозяина дома, наличие отпрысков вполне закономерно, а это, по словам юристов, с которыми он консультировался, будет иметь чрезвычайно значимые последствия. Жюльен постарался придать лицу спокойное выражение, а голосу легкости, не желая раньше времени открывать банку с червями, которые, впрочем, все равно будут выпущены.

– У меня для вас хорошая новость, – произнес он. – Для проведения теста ДНК есть все возможности, поэтому он будет готов через несколько дней. Необходимо лишь взять у вас образец. Вскоре сюда приедет человек и сделает все необходимое.

Элис кивнула и опустила голову, отчего волосы упали на лицо и скрыли щеки. Через несколько секунд она откинула их и посмотрела на него.

– Они ведь должны совпасть, так? Но уже поздно брать образец моего... вернее, Андре. Мосье Лорана, – поспешила добавить она, словно боялась показаться фамильярной.

– Месье, – машинально поправил ее Жюльен. Неужели она не знает ни слова по-французски? – Подойдут многие его вещи. Например, зубная щетка. Эксперт нам все объяснит. Он работает в полиции.

– В полиции?

Он видел, как в ее глазах вспыхнул страх, а лицо побледнело.

Оно стало таким же, как в тот момент, когда он вышел из себя и швырнул пресс-папье в портрет Лорана, и тогда он понял, что напугал ее настолько, что заставил расплакаться. Непростительно и стыдно. Обычно он обращался с женщинами совсем иначе. Катастрофа в жизни изменила его, сделала таким, каким он не желал быть, а эта девушка отвлекает его от размышления над вопросами намного более важными и... очень личными. Следовательно, от нее надо в скором времени срочно избавиться, и не важно, как она на это отреагирует.

Однако Жюльен обманывал себя. Странно, но состояние Элис не было ему безразлично. Более того, ему хотелось как-то успокоить ее.

Он отвернулся, чтобы не смотреть на нее и ненароком не выдать себя взглядом. В сердце неожиданно что-то шевельнулось. Когда же последний раз у него возникала мысль помочь женщине? Пожалуй, никогда после того, как он понял, что, пытаясь оберегать и защищать Колетт, лишь понапрасну тратит время. Он не понимал этого многие годы, но жизнь все продемонстрировала ему сама.

– Простое совпадение, – сказал он, но вышло резче, чем он мог желать. – У этого человека также частный кабинет. – Жюльену показалось, что она готовится защищаться, и он поспешил добавить: – Вас никто ни в чем не обвиняет.

Откровенно говоря, он не был в этом уверен, но стоило взглянуть ей в глаза, и становилось ясно, что она пришла сюда не за славой или состоянием. В ее честности сомнений быть не могло. Как и в искренности тоже. Она не только свято верила в то, что Андре ее отец, это было для нее чрезвычайно важно. То, что она появилась в доме в такой неподходящий момент, лишь случайное совпадение.

До приезда эксперта из Ниццы может пройти час или даже больше, будет невежливо оставлять ее ждать здесь в одиночестве. Кроме того, это неосмотрительно и опасно. Подобный факт нужно держать в тайне.

– Итак... – произнес Жюльен, усаживаясь рядом. – Значит, вы воспитательница?

– Да.

– Любите детей?

– Конечно люблю.

– А свои у вас есть?

Девушка была шокирована его вопросом.

– Нет... я... я же не... замужем.

– Ну, ваша мама тоже не была замужем за отцом своего ребенка.

Возможно, она не так ранима, как он полагал, по крайней мере, сейчас на ее лице отразилось нечто похожее на вспышку гнева.

– Она достаточно настрадалась из-за этого. Есть еще места, где считается зазорным рожать внебрачного ребенка.

Жюльен несколько раз моргнул. Если страдала мать, логично предположить, что и ребенок тоже.

– Почему же тогда она не вернулась?

Задав вопрос, он сразу пожалел, решив, что тот прозвучал глупо. На лице Элис мелькнуло что-то новое. Сожаление? Может, он упустил что-то важное?

– Ее домом был Брэннокберн. К тому же она была молода, а сердце ее разбито. И ей нужна была помощь матери.

Разбитое сердце? Она была не единственной женщиной на свете, считавшей, что может укротить Андре Лорана. Он мог бы назвать ее полной идиоткой, если бы на эту тропу через десять лет не ступила его собственная сестра.

– Простите... – неожиданно сказала Элис. Ее извинения стали для Жюльена неожиданностью.

– За что?

Она покрутила прядь волос и покосилась на дверь, ведущую в комнаты.

– Вы потеряли сестру. У вас, должно быть, здесь семья. Мама? Я пришла в очень неподходящее время, у вас немало личных проблем. Простите еще раз. Поверьте, я бы не решилась, если бы представляла, что здесь происходит.

– Моей семьей была сестра, – спокойно произнес Жюльен. – И я потерял ее три месяца назад. Она умерла во время родов.

Тишина была давящей и напряженной. Элис не могла заставить себя поднять глаза. Значит, ребенок тоже умер? Он в один день потерял всех близких родственников, как и она? Впрочем, их ситуации нельзя сравнивать. Он знал сестру, любил ее, она же только собиралась познакомиться с отцом. Однако ей знакомо чувство, которое испытываешь, когда уходит самый дорогой человек на свете. Мама была еще молода и могла жить дальше, но она не знает, сколько лет было сестре Жюльена. Вероятно, около тридцати, учитывая возраст его самого.

В любом случае это страшная трагедия, и он во всем обвиняет ее отца, о чем, безусловно, сам жалеет. Она же приехала, чтобы заявить о своем родстве с Андре, неудивительно, что он не рад ее видеть. Может, Лоран был так же безрассуден на дороге жизни, так же любил рисковать, как и на гоночной трассе? Если бы сестра Жюльена погибла вместе с мужем, упреки в его адрес были бы объяснимы, но в чем он может быть виноват, если она умерла при родах тремя месяцами ранее?

По спине опять пробежал холодок. Может, он хотел, чтобы жена сделала аборт? В некотором смысле, такой вариант был возможен и в ее жизни. Вернее, своим рождением она обязана лишь нежеланию матери делать то, что казалось единственно правильным.

Тишина становилась невыносимой. Но внезапно ее нарушил звук, который в этой ситуации был совсем неожиданным.

Плач ребенка.

Глава 3

Элис застыла, во все глаза глядя на дверь. Жюльен побледнел, резко встал и прошел к выходу, не сказав ни слова. Не задумываясь о том, что делает, она поднялась и последовала за ним.

В комнате она увидела две группы людей, расположившихся в разных концах. Стоящие напротив друг друга мужчины в темных костюмах громко разговаривали. За спиной одного из них стояли две женщины; на той, что постарше, был передник, а молодая держала на руках младенца не более трех месяцев от роду. Именно такого возраста и должен быть племянник или племянница Жюльена.

Он быстро вошел в комнату, словно своим присутствием надеялся заставить всех замолчать. Когда он остановился, Элис была в нескольких шагах позади него.

Разумеется, люди заговорили по-французски, и она не поняла, о чем речь, но смогла уловить общий смысл происходящего. Очевидно, существовала какая-то проблема, и Жюльен не желал иметь к ней отношения. Даже не взглянув на ребенка, он подошел к мужчине, стоявшему напротив женщины постарше. Малыш орал все истошнее, и люди говорили все громче. Молодая девушка растерянно хлопала глазами и, кажется, была готова сама расплакаться.

Элис никогда не работала в ясельной группе, она занималась детьми постарше, но и ее опыта было достаточно, чтобы понять, что младенец болен. Плач временами прерывался кашлем, у него явно был насморк, и он часто тер глазки маленькими кулачками. Державшая сверток женщина – возможно, мать – отчаянно пыталась успокоить ребенка. Изредка она поднимала голову, смотрела на мужчин и оглядывалась по сторонам. В один из таких моментов Элис поймала ее взгляд и увидела в нем мольбу. Разумеется, она не смогла остаться равнодушной.

Она подошла ближе и протянула руки, предлагая отдать ей на время ребенка и передохнуть. Удивление сменилось облегчением, когда, незаметно для других, Элис взяла ребенка. Пospешив выйти из комнаты, она направилась обратно в оранжерею, чтобы дать мужчинам поговорить спокойно и разорвать наконец порочный круг, ведь чем громче плакал ребенок, тем громче становились голоса, еще больше нервирова малыша.

– Все хорошо, милый, – приговаривала Элис. – Ты расстроился, да? Смотри, здесь прохладнее. Давай снимем одеяльце, и тебе не будет так жарко. Давай?

Таким тоном она разговаривала со всеми детьми, которые капризничали, но движения ее при этом были быстрыми и уверенными. Она проворно развернула ребенка, которому явно было жарко, похоже, у него температура.

– Ты ведь не замерзнешь, нет? – Она провела рукой по лбу малыша, приглаживая потные темные волосики. – Простуда очень неприятная штука, да, но знаешь, что я скажу?

Похоже, ее голос все же привлек внимание малыша, он громко икнул и открыл глаза, глядя прямо на Элис. Они были темными, но еще мутными, как бывает у новорожденных, поэтому нельзя было сказать точно, темно-синие они или карие.

– Простуда пройдет, солнышко, – улыбнулась Элис. – Через пару дней тебе станет лучше.

Она расстегнула несколько верхних кнопок его кофточки, чтобы малыш мог дышать свободнее, и свежий воздух чуть охладил кожу. Чудесным образом ребенок перестал плакать и затих, а она принялась укачивать его, тихо напевая колыбельную. Удивительно, как приятно прижимать к себе это крошечное существо. Неожиданно Элис ощутила себя комфортно в этом доме.

Глазки малыша закрылись, и через несколько минут она уже сидела на диване в оранжерее, держа на руках спящего ребенка.

Он спокойно посапывал во сне. Она несколько минут разглядывала его лицо. Кто же он? Скорее всего, ребенок Жюльена. А та молодая женщина его жена? Или подруга, ведь он сам сказал, что вовсе не обязательно выходить замуж, чтобы стать родителями. Если ее предположения верны, он резко упал в ее глазах, ведь, прежде всего, он должен был помочь, а не делать все, чтобы стало только хуже. Аргументов в его пользу Элис не нашла.

Через некоторое время тишина стала ее настораживать. Возможно ли, чтобы все куда-то ушли и оставили ее с ребенком одну? Повернувшись, она с ужасом увидела, что в дверях стоят пять человек и молча смотрят на нее.

Жюльен выглядел разозленным.

– Что, позвольте спросить, вы делаете? – спросил он ледяным тоном.

Разве не видно? Элис сочла разумным промолчать. Молодая женщина посмотрела на нее и опустила голову, словно точно знала, что Элис делает что-то не так. Жюльен сказал ей несколько слов, и она направилась к ребенку, но пожилая женщина взяла ее за руку, заставляя остановиться, и заговорила. Посыпались незнакомые слова, превратившиеся в поток, из которого Элис опять ничего не смогла понять. Закончив, две женщины и один из мужчин развернулись и удалились. Элис понимала, что на ее лице отразился немой вопрос, но Жюльен встал так, чтобы не встречаться с ней взглядом.

– Впервые за много часов малыш успокоился, – произнес он. – Пусть поспит, лучше сейчас его не тревожить.

– Он болен, мне кажется, у него температура.

– Врач уже едет.

Жюльен прошелся по оранжерее и остановился спиной к Элис.

Поколебавшись, через несколько минут она все же решилась заговорить первой.

– Как его зовут?

– Жак.

– Он ваш сын?

Жюльен повернулся к ней как-то очень медленно, и по его лицу она увидела, что он в высшей степени... потрясен. Будто его шокировала одна мысль о том, что у него может быть ребенок.

– Разумеется, нет. – Жюльен чуть повысил голос.

Элис нахмурилась.

– Тогда, почему он здесь? Чей он?

Жюльен закрыл глаза и покачал головой.

– Это сын моей сестры.

Настала очередь Элис испытать шок. Получается, Жак – его племянник. Сирота, за столь короткий срок потерявший обоих родителей, но, похоже, Жюльен не намерен стать его семьей и вообще не желает иметь к нему отношения. Все потому, что он сын Андре?

Ох... Наконец до Элис стало доходить очевидное. Раз этот малыш сын Андре, получается, он ее единокровный брат? Ее единственный родственник?

Элис любила детей и была готова помочь любому, оказавшемуся в беде, но внезапно в сердце зародилось совершенно иное чувство к ребенку, которого она держала на руках. Нечто новое, неожиданное, захватившее ее целиком.

Она посмотрела на личико спящего малыша, на темные реснички, опускавшиеся к самым щечкам, сейчас лихорадочно-красного цвета, с воспаленными пятнышками. Даже во сне он изо всех сил сжимал крошечные кулачки, словно боролся с жаром. Кусочек шеи, который стал виден, когда она расстегнула кофточку, тоже был покрыт воспаленными красными пятнами. Мгновенно забыв о рассуждениях о родстве, Элис поспешно расстегнула кофточку еще больше, приоткрыв тельце ребенка. Да, сыпь была повсюду. Не такая яркая, но все же...

– О, нет...

– Что случилось?

Элис подняла глаза на Жюльена, встала и подошла ближе к нему. Впервые он позволил себе посмотреть на племянника, не очень уверенно, словно боялся увидеть что-то пугающее.

– Я думала, это просто простуда, – сказала Элис. – Но, похоже, это корь...

– Откуда вы знаете?

– Видела на фотографиях. В прошлом году в Эдинбурге была вспышка кори, и многие из наших детей заболели.

– Вы говорите о карантине?

– Во многих странах все случаи заболевания корью подлежат регистрации. Болезнь очень заразна и может быть опасна. Одна из девочек получила страшное осложнение – энцефалит. Она... умерла. – Элис перевела дыхание. – Даже те, кто не имел непосредственного контакта, на две недели должны быть изолированы, если они не привиты от заболевания или не перенесли его.

– У вас была корь?

– Да. В детстве. А у вас?

– Откуда мне знать такие подробности?

– Например, из медицинской карты. У вашей мамы должна быть карточка вакцинации. Жюльен покачал головой.

– Ничего такого у нас нет. – Он сделал шаг в сторону, словно хотел оградить себя от присутствия малыша и Элис.

Она прижала к себе Жака и внимательно посмотрела на Жюльена.

– Вы были в одном доме с больным, даже в одной комнате. Могли заразиться, даже если и хорошо себя чувствуете. В прошлом году в Штатах был случай, когда в карантин поместили всех, кто находился в приемной врача, хотя больной приходил к нему еще утром.

Жюльен склонил голову набок.

– Мы не можем себе такого позволить. Это невозможно. Ситуация слишком непростая... – Он сделал еще шаг назад. – И я не прикасался к этому ребенку.

Элис едва не задохнулась от гнева. Что происходит? Несчастный малыш не знал матери, его отец умер всего несколько дней назад. Неужели ему придется расти лишь среди наемного персонала, без всякой надежды быть обласканным родным человеком? Единственный родственник – дядя – даже не смотрит на Жака. Неужели думает, что проблема разрешится сама собой, если он предпочтет ее не видеть? Неожиданно для нее Жюльен заговорил.

– Мне запрещено видеть Жака. С той поры, как умерла моя сестра. Но я должен был стать его опекуном, и только поэтому я здесь. Чтобы забрать его.

Элис ничего не могла понять.

– Но вы никогда его не видели?

– У семьи Лорана свои взгляды на этот счет. Позже прибудет бабушка Жака, она намерена взять опеку на себя. Именно поэтому здесь столько юристов. Мой адвокат посоветовал мне не создавать проблемы... для себя.

Жюльен взглянул на племянника с таким выражением, что сердце Элис едва не разорвалось.

– Я знал, что потом мне будет только хуже. Если я привыкну к нему, а потом... его увезут. Значит, ему на самом деле не все равно.

Гнев в душе Элис, вызванный поведением Жюльена, мгновенно испарился. Она ведь понятия не имела, что он вынужден был отказаться от всех контактов с племянником после смерти сестры. Это очень несправедливо. Даже жестоко. Если ей предстояло бы занять позицию одной из сторон в этом конфликте, она бы выбрала сторону Жюльена. Внезапно отчаяние на его лице сменилось озабоченностью, за окном явно что-то происходило.

– Кто-то приехал, – сказал он. – Будем надеяться, это доктор. Хорошо бы вы ошиблись в предполагаемом диагнозе.

Это также может быть эксперт, прибывший решить еще одну проблему на повестке дня. Интересно, он бы предпочел, чтобы и ее утверждение об отцовстве Лорана тоже оказалось ложным?

К большому облегчению Элис врач оказался вполне милым и внимательным. Он был седовлас и полноват, глаза его светились добротой, а улыбка озаряла лицо светом. Он вошел в оранжерею в обществе двух уже известных Элис женщин. Та, что постарше, подошла взять ребенка, и он сразу захныкал во сне. Элис отстранилась, не желая отдавать малыша, и принялась его укачивать.

– Тихо, тихо, милый, – шептала она. – Все в порядке. Мы все хотим тебе помочь.

Женщина опять потянула к нему руки, и на этот раз Жак проснулся и громко заплакал. Доктор тихо откашлялся и заговорил на превосходном английском:

– Будет лучше, если он останется у вас на руках, мадемуазель, пока я буду его осматривать. Похоже, вы ему понравились.

Элис кивнула. Было бы странно предположить, что новорожденный малыш знает о родственной связи между ними. Может, все дело в том, что она сама, как и Жак, нежеланный человек в этом доме, и влечение их друг к другу объясняется именно этим? Она принесла в семью Лоран слишком много проблем, как и этот ребенок, так что у них много общего и помимо генетической составляющей. Они оба несут окружающим лишь неприятности. Этому малышке нужна помощь и защита, и она единственная, кто может сейчас ему это дать.

Элис держала Жака, пока врач измерял температуру, прослушивал сердце и легкие. Она помогла раздеть малыша до подгузника, чтобы доктор смог увидеть сыпь и пятна на теле. Жак хныкал, но вел себя неплохо.

– Ему необходимо дать парацетамол, верно, доктор? – спросила Элис. – И сделать обтирание теплой водой?

– Несомненно. Вижу, вы знаете, как ухаживать за детьми.

– Я работаю в детском саду, мне часто приходится иметь дело с больными малышами, поэтому была возможность многому научиться. Правда, с корью я сталкиваюсь впервые. Это ведь корь, доктор?

– Очень возможно. Об этом говорят многие симптомы, включая пятна Коплика. У вас есть иммунитет к болезни?

– Да, я переболела в детстве.

– И у вас есть подтверждающий это документ?

– Нет, – вздохнула Элис и растерянно посмотрела на врача. Во время подготовки к этой поездке ей бы в голову не пришло взять такую бумагу.

– Вы ведь представляете, насколько это серьезно?

Элис кивнула.

– Я слежу за новостями об эпидемиях после вспышки кори в Эдинбурге.

– В таком случае вам должно быть известно, что о каждом случае надо сообщать, кроме того, необходимо соблюсти строгие правила изоляции и карантина. Всем, кто не сможет доказать наличие иммунитета к болезни, я рекомендую профилактическое лечение и иммунизацию.

Стоявший неподалеку Жюльен слышал слова доктора и вмешался в разговор:

– В моем случае не может быть и речи о карантине. В ближайшие два дня мне нужно быть на съемках в Париже. Это рождественское шоу, над которым велась работа много месяцев, я ничего не могу изменить.

Врач вздохнул.

– Мне известно, кто вы, месье Дюбуа, конечно, известно, как же иначе. Моя супруга ваша большая поклонница, но... – Он беспомощно взмахнул руками. – Таковы правила, месье, и, боюсь, их невозможно нарушить. Ведь риску может быть подвергнуто здоровье многих людей.

Элис несколько раз растерянно моргнула. Доктору около шестидесяти лет, скорее всего, жена его ровесница, и при этом она поклонница Жюльена? Интересно, какую же музыку он исполняет? Может, романтические баллады? Под аккомпанемент акустической гитары? Получается, он написал рождественские гимны для праздничного шоу. Нет, этого не может быть. Такая роль ему совсем не подходит, особенно если приглядеться к нему сейчас, когда язык жестов и его тела так красноречив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.